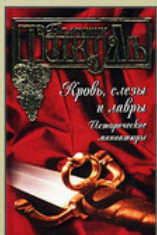

Валентин Пикуль

Досуги любителя муз

*Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры*

Валентин Саввич Пикуль

Досуги любителя муз

Серия «Кровь, слезы и лавры», книга 32

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124930

*Пикуль В. Кровь, слезы и лавры. Исторические миниатюры: АСТ, Вече;
2002*

Аннотация

«Вдали остался древний Торжок – с его душистой тишиной провинции, с угасшей славой пожарских котлет, воспетых Пушкиным. Бежали поляны в синих васильках, сухо шелестели серебряные овсы-Поля, поля, поля... Над разливами хлебов показались кущи старого парка – это село Никольское на реке Овсуге; за кулисами юной поросли укрылись остатки былой усадьбы...»

Валентин Пикуль

Досуги любителя муз

Вдали остался древний Торжок – с его душистою тишиной провинции, с угасшей славой пожарских котлет, воспетых Пушкиным. Бежали поляны в синих васильках, сухо шелестели серебряные овсы-Поля, поля, поля... Над разливами хлебов показались кущи старого парка – это село Никольское на реке Овсуге; за кулисами юной поросли укрылись остатки былой усадьбы. «Минувшее предстало предо мною!» Отсверкали молнии давних времен, войны чередовались с недородами, эпидемии с восстаниями, но здесь до наших дней выстояли могучие вязы и липы, веками цветет неутомимый жасмин, вспыхивают яркие созвездия шиповников. Вот и ротонда мавзолея-усыпальницы, где опочил сам создатель этой красоты, когда-то писавший: «Я думал выстроить храм солнцу... чтобы в лучшую часть лета солнце садилось или сходилось в дом свой покоиться. Такой храм должен быть сквозным... с обеих сторон его лес. Но где время? И где случай?»

Время вспомнить о Николае Александровиче Львове. Выпал случай начать рассказ с Гаврилы Державина, ибо имя Львова неотделимо от имени великого русского барда.

Смолоду парил высоко, но земных радостей не избе-

гал. Катерина Урусова, некрасивая тихонькая поэтесса, была влюблена в этого крепкого, добротного человека, хотя Гаврила Романыч от брачных уз с вдохновенной княжной уклонился.

– Я мараю стихи, да еще она марасть станет, эдак-то и шей некому в доме будет сварить, – говаривал он себе в оправдание.

А на празднике водосвятия, глядя на суету народную из окошек дома Козодавлевых, заметил он в толпе девицу Катерину Яковлевну, и она ему полюбилась. Нанес визит ее матушке; босая девка светила поэту сальной свечкой, воткнутой в медный подсвечник; пили чай в горницах; избранница поэтического сердца вязала чулок и отвечала лишь тогда, когда ее спросят; улучив момент, Державин с прямою солдата заявил красавице:

– Уж ты не мучь меня, скажи – каков я тебе кажусь-то?

– Да не противны, сударь...

В апреле 1778 года сыграли свадьбу, и поэт надолго погрузился в семейное блаженство, никогда не забывая воспеть в стихах свою волшебную «Плениру». В одно же время с женою обрел Державин и друга себе – Николеньку Львова, а этот замечательный человек вошел не только в быт, но и в поэзию Державина... Историки признают, что «в поэзии Львов выше всего ставил простоту и естественность, он знал цену народного языка и сказочных преданий. Львов надолго остался главным эстетическим советником Державина».

– Опять ты, Романыч, под облака залетел, – выговаривал он поэту. – На что тебе писать «потомком Аттилы, жителем реки Ра»? Не проще ли сказать эдак: сам я из Казани, урожден на раздолье волжском. Отвяжись от символов классических, от коих ни тепло, ни знобко, – стань босиком на землю русскую! Давеча за ужином нахваливал ты пирог с грибами да квасы с погребца...

– Ой, Николка, друг мой, што говоришь-то? Неужто мне, пииту, пироги с квасами воспевать?

– А разве не слышал, как девки в хороводе поют: «Я с комариком плясала»? Простонародье и комара смело в поэзию погружает. Пироги да квасы – суть приметы жизни народной. Вот и пиши, что любо всем нам, и станешь велик, яко Гомер... Воспарить к славе можно ведь и от румяной корочки пирога!

Из подражателя классикам Державин вырос в дерзкого разрушителя классики, а советы Львова даром не пропали:

Я озреваю стол – и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором;
Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и с голубым пером
Там щука пестрая – прекрасны!

Так не мог бы писать ни Тредиаковский, ни Ломоносов!
Так мог писать только Державин – певец радостей бытия.

Как никто другой, он умел брать слова, подобно живописцу, берущему на кисть краски, и писать словами стихи, похожие на живописные полотна... Смотрите, какие он создавал картины:

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна:
В серебряной своей порфире,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.